

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Гуманитарный институт
Кафедра философии

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой
_____ В.И. Кудашов
подпись
«_____» _____ 20 __ г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

47.03.01 Философия

**ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В
ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ**

Руководитель _____ доцент, к. филос. н. Р.А. Сергиенко
Выпускник _____ Е. А. Хамидулин

Красноярск 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
1. Эволюция представлений о реальности и виртуальности.....	5
1. 1 Эволюция понятия “реальность” в истории философии.....	5
1. 2 Эволюция понятия “виртуальность” в истории философии.....	16
2. Концептуальный анализ понятия виртуальной реальности.....	26
2. 1 Место категории виртуальной реальности в системе представлений о реальностях	26
2. 2 Свойства и признаки понятия виртуальной реальности.....	34
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	40
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ.....	42

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования:

Понятие реальности интересовало человечество с древних времен. Человек осознал, что мир, представленный ему, состоит не только из вещей. Еще в античной философии появились мысли о том, что мир может состоять из “мира вещей” и “мира мнений”. В Новое время реальность распалась на объективную и субъективную реальности. Позднее, в XX веке, выделилась и виртуальная реальность. С одной стороны, данная тема подвергалась анализу многими исследователями, но, не смотря на этот факт, виртуальная реальность до сих пор, в полной мере не концептуализирована. Для человечества все так же остается загадкой вопрос о виртуальной реальности, он чрезвычайно важен для нас сегодня, так как мы живем в век компьютерных технологий. Понятие реальности вообще и виртуальной реальности в частности интересует не только философов, данную тему изучают физики, математики, механики, социологи, социальные антропологи, социальные психологи и прочие. Роль философии в данном вопросе состоит в создании некоторой теоретической базы. Гносеология занимается исследованием данного вопроса с позиций выявления основных проблем познания, сознания и языка.

Объект: эволюция представлений о виртуальной реальности.

Предмет: понятие виртуальной реальности.

Цель исследования заключается в выявлении свойств и признаков понятия виртуальной реальности. Для достижения данной цели потребовалось решить ряд задач, из которых можно выделить:

- 1) операциональное определение философского статуса понятия реальности в истории философии;
- 2) анализ историко-философских корней понятия виртуальности в философии;

- 3) выяснение места категории виртуальной реальности в системе представлений о реальности, выявление основных подходов к проблеме определения философского статуса виртуальной реальности;
- 4) исследование ее основных свойств и признаков понятия виртуальной реальности.

Методологической основой исследования является исторический метод, анализ, синтез, генеалогический метод.

Развитие понятия реальности рассматривается на основе работ Рене Декарта, Джона Локка, Джорджа Беркли, Иммануила Канта, Николая Бердяева, Мартина Хайдеггера, Генри Маргенау, Макса Борна, Давида Дубровского, Майкла Хайма, Николая Носова, Вадима Розина.

Анализ эволюции понятия виртуальности проводится при рассмотрении работ Фомы Аквинского, Николая Кузанского, Дунса Скота, а также современных ученых Анатолия Ахутина, Игоря Корсунцева, Алексея Лосева, Николая Носова, Андрея Родина, Сергея Хоружего. Значительный вклад в исследование понятия виртуальной реальности внесли Вадим Розин, Николай Носов, Михаил Опенков, Майкл Хайм.

1. Эволюция представлений о реальности и виртуальности

1.1. Эволюция понятия “реальность” в истории философии

Понятие виртуальной реальности на протяжении всего времени использовалось во всевозможных значениях и смысловых контекстах. Возможно, одной из причин, по которым категория “виртуальная реальность” многозначна, является полисемичность и трудноопределяемость каждого из формирующих эту категорию терминов. Чтобы проследить эволюцию понятия “виртуальной реальности”, необходимо проанализировать составляющие его понятия “реальности” и “виртуального”. Кроме того, философский статус понятия “виртуальной реальности” прояснится через сравнение понятия виртуальной реальности с объективной и субъективной реальностями. И так как эти категории укоренены в философской культуре, рассмотрим кратко идеи тех мыслителей, которые уделяли внимание узловым точкам данной проблемы.

Понятие “реальности” всегда привлекало пристальное внимание философов. В течение времени “реальность” представлялась как нечто постоянное и незыблемое (например, у Парменида), а так же как нечто текучее, диалектичное и ускользающее (у Гераклита). Если мы обратимся к трудам Платона, то здесь “реальность” предстанет перед нами как нечто идеальное и скрытое от обывателей в мире вещей. Рационализм представлен знаменитым изречением Рене Декарта «*Cogito ergo sum*», то есть для него подлинной реальностью является мысленное существование. Так же, стоит отметить учение Декарта, который спорил с аристотеликами по поводу чувственных качеств. Он считал, что они лишь психологические впечатления человека, в то время как последователи Аристотеля считали, что чувственные качества есть реальности, которыми обладают объекты. Английский философ Джон Локк ввел первичные и вторичные качества как идеи, относящиеся к объективной и субъективной реальностям: это не что иное, как наши идеи тел, которые мы относим к самим телам. Те идеи

сладости, красного цвета или тепла — это всего лишь эффекты определенного размера, формы и движения невидимых частиц, из которых состоят тела. Только небольшая часть тех идей о телах, которые мы имеем, может пройти проверку на объективность, иначе говоря, на соответствие природе самих этих вещей, — сюда нужно отнести идеи о форме, размере и движении тела. Все прочие опытные переживания и идеи следует считать субъективными — они возникают в результате того, что аппарат наших чувств активно обрабатывает впечатления, происходящие из первичной реальности. Поэтому в опыте людей вещь понимается не как объект, содержащий первичные качества, а как ряд первичных и вторичных качеств: первичные качества — форма, размер, а вторичные качества — его запах, цвет.

Но, наверное, особый интерес к данной проблеме возник в начале XVIII века после выхода трудов Джорджа Беркли, а именно его сочинения “Трактат о принципах человеческого знания”, так как с появлением этого труда, объективное (то есть, независимое от субъектов) существование окружающего мира было поставлено под сомнение. Идеи Беркли, как можно судить, раскрыли потребность внесения новых категорий, которые позволили бы отличать реальность в том смысле, в котором использует это понятие Беркли, от реальности в ее привычном для Нового времени представлении (как реальности материального, независимого от субъектов мира), а также тщательной философско-методологической разработки и осмысления категории “реальности”. Беркли пишет, что он вовсе не подвергает сомнению существование какой-либо вещи, которую можно бы познавать с помощью чувства или размышления, он утверждает, что никак не сомневается в существовании вещей, которые он видит и осязает. “Существуют духовные субстанции, духи или человеческие души, которые по своему усмотрению хотят идей или вызывают в себе идеи, но эти идеи бледны, слабы, неустойчивы по сравнению с теми, которые мы воспринимаем в чувствах. Эти последние идеи, будучи запечатлеваемы в

нас по известным правилам и законам природы, свидетельствуют о действии ума, более могущественного и мудрого, чем ум человеческий. Такие идеи, как говорят, имеют больше реальности, чем предыдущие; это значит, что они более ясны, упорядочены, разделены и что они не являются фикциями ума, воспринимающего их. В этом смысле Солнце, которое я вижу днем, есть реальное Солнце, а то, которое я воображаю ночью, есть идея первого. В указанном здесь смысле слова “реальность” очевидно, что каждое растение, каждая звезда, каждый минерал и вообще любая часть мировой системы есть столь же реальная вещь, по нашим принципам, как и по всяким иным” [9, с. 186-187].

То есть, Беркли не отвергает существование внешнего мира, но лишь отмечает, что материальная, вещественная реальность отсутствует. Беркли отказывается от субстанции как основы для акциденций или свойств вне сознания. Он подчеркивает, что вне духа предметов быть не может, абсолютного существования чувственных вещей вне умов и духов нет. Беркли не говорит “в моем уме”, но просто: “в умах”. Все люди воспринимают одни и те же предметы одинаково — следовательно, они существуют не в моем уме, но в умах вообще. Так, Беркли отрицает реальность, под которой понимается существование чувственных вещей вне умов и духов, в понятие реальности Беркли вкладывает новое содержание. “Отсюда я вывожу не то, что они не имеют реального содержания, а то, что, принимая во внимание их независимость от моей мысли и их существование, отличное от воспринимаемого мною, должна быть некая другая душа, в которой они существуют. Как достоверно таким образом то, что чувственный мир реально существует, так нельзя сомневаться и в том, что существует бесконечный вездесущий дух, который его заключает в себе и поддерживает” [10, с. 302].

Рассмотрению вопроса об абсолютном существовании предметов, отличном от их бытия, воспринимаемого каким бы то ни было умом, было уделено большая роль в системе Иммануила Канта. Он определяет

реальность таким образом: “реальность в чистом рассудочном понятии есть то, что соответствует ощущению вообще, следовательно, то, понятие чего само по себе указывает на бытие (во времени)... так как время есть лишь форма созерцания, стало быть, форма созерцания предметов как явлений, то трансцендентальной материей всех предметов как вещей в себе (вещностью, реальностью) будет то, что соответствует в явлениях ощущению” [15, с. 224]. Любое ощущение имеет величину, способность наполнять время, то есть, внутреннее чувство относительно одного и того же представления о вещи может быть больше или меньше вплоть до превращения в ничто. “Поэтому отношение и связь или, вернее, переход от реальности к отрицанию дает возможность представлять всякую реальность как величину, и схемой реальности как количества чего-то наполняющего время служит именно это непрерывное и однообразное порождение количества во времени, состоящее в том, что мы от ощущения, имеющего определенную степень, постепенно нисходим во времени к исчезновению его или от отрицания его восходим к величине его” [15, с. 224]. Кант указывает, что то, что в эмпирическом созерцании соответствует ощущению, есть реальность, а “то, что соответствует отсутствию ощущения, есть отрицание...” [15, с. 242]. Ощущение может убывать, постепенно пропадать, поэтому между реальностью как величиной и отрицанием есть некоторое количество промежуточных ощущений, меньших, чем разница между данным ощущением и отрицанием. Реальное в явлении всегда имеет величину.

Для решения вопроса о вещах, которые существуют сами по себе, Кант вносит такие термины как “явление” и “вещь в себе”. К тому же, он употребляет категории: “объективная реальность” и “субъективная реальность”. Для примера, рассматривая возможность чистых синтетических суждений, автор рассуждает: “если знание должно иметь объективную реальность, то есть относится к предмету и в нем иметь значение и смысл, то необходимо, чтобы предмет мог быть каким-то образом дан” [15, с. 232-233]. По Канту, дать предмет непосредственно в

восприятию значит отнести представление предмета к опыту (возможному или действительному), то есть, возможность опыта дает объективную реальность всем априорным представлениям.

Анализируя представления, которые находятся в нас, Кант подчеркивает, что, насколько бы далеко не тянулось их осознание, “представления все же продолжают быть лишь представлениями — внутренними определениями нашей души в том или ином временном отношении. Каким же образом мы приходим к тому, что даем этим представлениям объект или сверх их субъективной реальности как модификаций приписываем им неизвестно какую объективную реальность?” [15, с. 264]. По мнению Канта, опыт является признаком объективной реальности представлений. Кант пишет, что если бы мы захотели создать из материала “доставляемого нам восприятием, совершенно новые понятия о субстанциях, силах и взаимодействиях, не заимствуя из опыта даже примера их связывания, то мы попали бы в мир фантазий, возможность которого ничем не была бы засвидетельствована, так как предаваясь фантазиям, мы не руководствовались опытом и указанные понятия не были заимствованы из него... Субстанция, которая постоянно наличествовала бы в пространстве, не наполняя, однако его, или особая основная способность нашей души созерцать будущее (а не только умозаключать о нем), или, наконец, способность души мысленно вступать в общение с другими людьми (как бы далеко они не находились) — все эти понятия, возможность которых лишена всякого основания, так как они не могут опираться на опыт и на известные законы его и потому представляют собой произвольные сочетания мыслей, которые хотя и не содержат никакого противоречия, тем не менее, не могут притязать на объективную реальность, стало быть, на возможность существования таких предметов, которые мыслятся в них” [15, с. 283-284]. Получается, чертой, разделяющей субъективную реальность от объективной реальности, Кант определяет опыт.

Следующие стороны проблемы реальности обнаружились на стыке XIX-XX веков. В это время произошла научная революция и более сложными и динамичными стали социокультурные процессы. Мартин Хайдеггер, рассматривая эту проблему, полагал, что под вопросом о реальности переплетаются эти четыре проблемы: “1) есть ли вообще сущее, предположительно “трансцендентное сознанию”; 2) может ли эта реальность “внешнего мира” быть достаточно доказана; 3) насколько это сущее, если оно реально есть, познаваемо в его по-себе-бытии; 4) что вообще должен означать смысл этого сущего, реальности” [27, с.14]. Для Хайдеггера характерно феноменологическое понимание реальности, таким образом, само бытие становится неопределимым, тогда появляются категории присутствия и причастности.

Позиция Николая Александровича Бердяева тоже крайне интересна. Бердяев утверждает, что человек, познавая, казалось бы, внешнюю реальность, на самом деле познает реальность, объективизированную им самим, то есть порожденную самим собой. Бердяев рассуждал: ”... у меня иное понимание реальности, чем у большей части философских учений. Реальность для меня совсем не тождественна бытию и еще менее тождественна объективности. Мир же субъективный и персоналистический есть единственный подлинно реальный... Объективной реальности не существует, это лишь иллюзия сознания, существует лишь объективация реальности, порожденная известной направленностью духа. Объективированный мир не есть подлинный реальный мир, это есть лишь состояние подлинного реального мира, которое может быть изменено. Объект есть порождение субъекта. Лишь Субъект экзистенциален, лишь в субъекте познается реальность... Человек познает как извне данную ему реальность то, что порождено им самим...” [6, с. 91, 277, 278].

Еще можно привести в пример взгляд на этот вопрос Генри Маргенау, анализирующего нашу проблему. По его мнению, “результаты исследования понятия реальности в общепhilosophическом значении приводят к

трем аспектам определения реальности. Во-первых, реальность понимается как нечто вечное, перманентное, неизменное, то, что определяет неизменные результаты опыта. Во-вторых, реальность — это нечто вещное, вещественное. В-третьих, реальность — это то, что является действующим, действенным, а, следовательно, и действительным” [40]. Маргенау говорит, что “с точки зрения романского наследия философской мысли ... реальным считается класс вещей о существовании которых мы узнаем по их действию на субъекта, однако происхождение этого действия не зависит от того, что мы думаем о самих вещах, не зависит от нашего восприятия этих вещей” [цит. по Антипенко Л.Г., 1, с. 14]. Так он объясняет второй аспект понятия реальности. Насчет третьего аспекта понятия реальности, Маргенау подчеркивает, что он “тесно связан с соображениями прагматизма. Слова “реальный” и “актуальный” близки по смыслу... Актуально то, что действует, то, что способно оказывать эффект... Идея прагматически реальна ввиду того, что она может производить эффект. Бог, согласно этой версии, реален для тех, кто в него верует” [1, с.14].

Новую волну интереса к проблеме реальности вызвали революционные открытия в физике, которые послужили причиной пересмотра классических представлений о пространстве, времени, причинности, реальности. “Представление о реальности в физическом мире на протяжении последнего столетия стало несколько проблематичным” [11, с. 267], писал Макс Борн. Дело в том, что на рубеже XX века, вроде бы, очевидное предположение о том, что наука и, в частности, физика, исследуют внешний физический мир, стало подвергаться обвинению в наивности.

Некоторые ученые высказали, что физика исследует не сам внешний мир, а что-то другое, для примера, упорядоченные совокупности человеческих ощущений, а значит, нет смысла говорить о чем-то другом, как о наблюдателях с их инструментами, методиками и технологиями. “Отсюда следовал вывод, что законы физики относятся скорее к нашему

знанию, нежели к объективно существующему миру” [1, с. 5-6].

Определенно, современная физика ставит много вопросов. Например, обнаружилось, что такие признаки движения микрообъекта в пространстве, как импульс и координата, не могут относиться к нему самому по себе; “они характеризуют экспериментальную ситуацию в целом, не разделенную на объект и прибор” [1, с. 7]. То есть, перед нами снова предстает “проблема реальности того, что в данное время не наблюдается; что происходит с микрообъектами, когда они не фиксируются макроприборами” [1, с. 7]. Вследствие чего, перед учеными с полными силами назрел вопрос о реальности, а конкретно об объективной реальности.

Во время переосмысления исходных оснований науки свою позицию изложили и представители диалектического материализма. Ленин дал такое определение материи: “это философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его и которая отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них” [21, с. 131].

Понятие субъективной реальности оказалось менее исследованным в философском контексте. Среди трудов, анализирующих субъективную реальность, выделяется монография Давида Израилевича Дубровского. Он рассуждает: “Наименее разработанными в нашей литературе являются вопросы, связанные с объяснением существования и развития субъективной реальности как внутреннего мира человека” [13, с. 22]. В попытках установить понятие “субъективной реальности” Дубровский рассуждает: “субъективная реальность есть определенное “содержание”, задаваемое внешней потенцией (направленностью на внешний предмет) или внутренней интенцией (направленностью на внутренний “предмет” — ту или иную мысль, оценку, впечатление и так далее)” [13, с. 23]. Дубровский подчеркивает, что, “в принципе, субъективная реальность — это реальность какого угодно “содержания”. Поскольку о критериях существования можно говорить только по отношению к явлениям объективной реальности.

“Содержание” же субъективной реальности нельзя ограничить какими-либо критериями. Даже самые причудливые, химерические продукты фантазии, произвольные мысленные реконструкции реальных объектов, галлюцинаторные переживания больного — все это субъективная реальность. Такая “вседозволенность” характерна только для субъективной реальности, что служит одним из важнейших оснований ее противопоставления объективной реальности” [13, с. 23]. Из этого следует, что субъективная реальность включает в себя все явления сознания.

Раз за разом понятие реальности усложнялось, получало все больше и больше свойств. Более того, многие философы отказались от принятия единой реальности, реальность разорвалась на множественность. “Начиная с Канта, философия постепенно развивалась от идеи уникальной реальности единственного неизменного мира к идее множества миров. Кант элиминировал понятие мира заранее данного, поместив основные формы не во внешний мир, но в человеческое сознание. Категории рассудка (причинность и материя) вместе с формами чувственного познания (пространство и время) упорядочивают хаотические данные чувственного восприятия, отливая опыт в интеллигибельную и коммуникабельную структуру. Но и Кант, чтобы упорядочить наше представление о мире, по-прежнему постулировал монистический идеал единства... Философы после Канта постепенно сводили его монистическое единство на нет, пока в 20 столетии квантовая теория не лишила науку той связности, которую Кант считал для науки существенной. Теперь, когда наука открыта множественности и неопределенности, многие философы приветствуют множественность мира” [37].

Если идея моноонтологичности заключается в стремлении сложить, синтезировать все факты, касающиеся какого-либо явления в единую модель, в рамках которой все эти факты упорядочивались бы по принципу “сущность-явление”, и в которой весь комплекс явлений объяснялся бы в рамках одной модели (что часто приводит лишь к умножению разногласий),

то идея полионтологичности исходит из того, что существует множество несводимых друг к другу, то есть, онтологически самостоятельных реальностей, “например, бодрствование и сон, измененное состояние сознания и обычное состояние сознания” [25, с. 12]. Подход, основанный на признании полионтологичности реальности, получил название “виртуалистика”.

Нельзя пройти мимо точки зрения Вадима Марковича Розина, который объясняет реальность как “мир в котором индивид может полноценно жить” [34, с. 64] и замечает, что, в отличие от существования, реальность не одна, одним реальностям противостоят другие. Розин считает, что само понятие реальности как самостоятельное выделилось относительно недавно, где-то на стыке XIX-XX веков, причем выделению его способствовали три фактора. Во-первых, то, что уже с конца XIX века, а тем более в XX веке, значение частных форм жизни и личности возросло настолько, что “индивидуальные опыт и жизнь в ценностном отношении стали соизмеримыми с социальными...” [32, с.63]. В качестве второй причины выделения понятия реальности в качестве самостоятельного, Розин указывает на тот факт, что после Иммануила Канта наука потихоньку теряет позицию ценностного центра культуры, увеличивается интерес к искусству, религии, психической жизни человека и, в результате, сегодня научное познание видится всего лишь как одна из форм человеческой деятельности среди других, “в ценностном отношении не лучше и не хуже их”. Третий фактор, способствовавший выделению понятия реальности — устанавливающееся убеждение, “что именно язык, а не труд, деятельность, дух и тому подобные реалии определяют интимную сущность человеческой и социальной жизни, особенности нашей психики и сознания. Требовалось новое понятие, схватывающее эти три обстоятельства, переакцентирующее мышление с научного познания и социального опыта на любые формы символической жизни и индивидуальный опыт. Таким понятием и является понятие “реальность”. Если для идеи существования главное — это

онтология, обеспечивающая научное познание, то для идеи “реальность” главным является утверждение полноценности индивидуального бытия и жизни в реальности” [32, с.63-64]. Розин считает, что начинается период, когда человек уже не будет мыслить, принимая единое существование и мир, начнет принимать в расчет любые формы полноценной индивидуальной жизнедеятельности, любые реальности [34, с. 54]. Розин указывает, что можно выделить две основные позиции по поводу реальности: “Одна (несемиотическая) позиция такова: реальна и существует только физическая реальность. Другая (семиотическая) — реально и существует то, что задается текстом, знаками, языком. Первичным (с точки зрения семиотики) является не природа, она всего лишь объективизация определенных идей, концепта, понятия... первичны наши семиотические построения” [32, с. 63-64]. Розин отмечает, что “некоторые исследователи рассматривают реальность как то, что порождается совместно личностью и культурой, причем именно создание индивидом текстов и произведений, включая создание самого себя как особого произведения-личности, есть, с одной стороны, условие действия культуры, а с другой — превращение личных произведений в реальность” [32, с. 63-64].

Итак, вопрос о философском статусе понятия реальности весьма сложен и на данный момент есть множество различных интерпретаций этой категории. Но важно то, что постепенно понятие реальности стало конкретизироваться в категориях объективной и субъективной реальности, а в начале XX века философы заговорили о множественности реальностей, причем в центре рассмотрения оказывался человек.

Наш экскурс в историю развития понятия реальности совершенно не претендует на какое-либо полное исследование поставленного вопроса, поскольку его целью было выявление лишь тех сторон этого понятия, которые нужны для проведения дальнейшего исследования эволюции виртуальной реальности и рассмотрения категории реальности.

1.2. Эволюция понятия “виртуальность” в истории философии

После рассмотрения термина “реальность”, предлагается перейти к историко-философскому анализу термина “виртуальное”.

Слово “virtus” латинского происхождения имеет некоторое количество значений: особое состояние духа, мужество, доблесть, сила, добродетель. Первое значение очень хорошо описал Алексей Федорович Лосев: “Добродетель для римлянина мужество, то, что прилично мужу (“virtus”)” [23, с. 32]. Во втором значении “virtus” есть добродетель, в связи с чем целесообразно привести цитату Цицерона: “Ведь вся добродетель (“virtus”), пожалуй, сводится к трем вещам, из которых первая состоит в понимании истинной и подлинной сущности каждого явления, их взаимозависимости..., вторая состоит в умении сдерживать душевные волнения..., третья — в разумном и тактичном обращении с окружающими” [39, с. 374].

Категория “виртуальное” являлась важной в средневековой философии. С этой точки зрения, это понятие понималось как сила в объекте или в Боге, с помощью которой этот объект, или Бог обретает возможность действия, осуществляет свое поведение. Эта же сила переводит объект из небытия в бытие, если он еще не существует. Для примера, как рассуждает Николай Кузанский в своей работе “О видении Бога”: “... я гляжу на стоящее передо мной высокое ореховое дерево и пытаюсь увидеть его начало. ...я вижу, что то же дерево пребывало в своём семени не так, как я сейчас его разглядываю, а виртуально...” [18, с. 46]. Здесь можно увидеть, что Кузанский оперирует категорией “виртуального” для обозначения некоторой силы, которая содержит в себе будущие следствия. Причем, нужно отметить, что эта сила не переводит объект из потенциального состояния в актуальное, но лишь осуществляет образ действия данного объекта, пробуждает к жизни действие, является источником образа действия.

Фома Аквинский, известный представитель схоластической школы, использовал в своих работах данную категорию. Он рассматривает соотношение чувственной, умопостигающей и вегетативной душ и приходит к выводу, что эти души совпадают в человеке, так как: “умопостигающая душа виртуально содержит в себе все, чем обладает и чувственная душа животного и вегетативная душа растения...” [35, с. 848, 850-851].

Категория “виртуального” применяется Фомой Аквинским и при решении вопроса о том, как пребывают субстанциальные формы элементов в едином субъекте смеси. “В 24-м комментарии к “О возникновении и уничтожении” он “развивает своё учение об образовании сложных “субъектов”. Каждому возникновению предшествует полная альтерация материи и полное уничтожение пребывавших в ней элементарных субстанциальных форм... субстанциальные формы элементов присутствуют в смеси не субстанциально, а виртуально (*virtualiter*), то есть по своей действующей силе: как если бы они реально присутствовали. Именно потому, что в смеси некоторым образом присутствуют качества элементов, то есть агенты первоформы, сама субстанциальная форма смеси есть сложное действие (*in virtu*) первоформ” [2, с. 127]. Из чего следует, Фома Аквинский применял термин “виртуальное” для определения действующей силы, точнее, силы, образующей действие объекта.

Мыслитель средневековья Дунс Скот заявлял, что понятие вещи содержит в себе эмпирические атрибуты виртуально, а не формально. Таким образом, вещь виртуально содержит в себе множество эмпирических элементов. Понятие виртуальности использовалось Дунсом Скотом для преодоления разрыва между предполагаемой нашими концептуальными ожиданиями формально единой реальностью “и нашим неупорядочно - разнообразным опытом” [37].

Что касается схоластики, то здесь субъект не может выступать в “чистом виде”. Субъект является носителем своих свойств и действий,

таким образом, в нем содержится принцип действенности, причинности. Так, сущность субъекта выражается только лишь через совокупность действий. Субстанциальная форма выступает, как источник действия, которая действует только посредством своих акцидентальных качеств. Но “определение вещи через качества, означает ее определение через систему действий, которые она претерпевает или способна претерпевать, да и сама субстанциальная форма определена через виртуально присутствующие качества или “первокачества”: огнистость, землистость и так далее” [2, с. 127]. Вещь представляется системой действий, отдельными состояниями, которые мы способны наблюдать. Тогда форма выступает как возможный продукт деятельности, а не как нечто жесткое и ограниченное системой вещественных связей.

Исследуя толкование субстанциальной формы в философии схоластики, Анатолий Валерианович Ахутин приходит к выводу, что для схоластической философии элементарная субстанциальная форма не существует как вещь, “и, наоборот, в вещи она не существует субстанциально, но только виртуальна, как основание некоторой силы, способности, действенности (“virtu”) вещи” [2, с.128].

Рассматривая историко-философские аспекты категории “виртуальности”, основоположник виртуальной психологии Николай Александрович Носов подчеркивает, что античная философия только говорила о проблеме действия, но дальше нее не продвигалась. Философы схоластики рассматривали отношение между субстанциальной формой и эмпирическими аспектами вещи, ее действенности, из-за чего, для указания актуальной действующей силы употреблялся термин “virtus”. Механицисты Нового времени критиковали учение о субстанциальных формах, говоря о том, что они не могут объяснить отдельные явления физического мира. Готфрид Лейбниц отметил, что ученые Нового времени напрасно полностью отвергают субстанциальные формы. Философ говорит, что природа этих форм состоит в силе. “Аристотель называет их первыми

энтелехиями. Я, может быть, более понятно называю их первичными силами (*forces primitives*), которые содержат в себе не только акт или осуществление возможности, но и первичную деятельность” [20, с. 273]. Так же Лейбниц использует понятие “виртуальное”.

Французский философ Анри Бергсон в своей работе “Творческая эволюция. Материя и память” пишет: “Я хочу теперь, не затрагивая прочих образов, слегка видоизменить тот из них, который я называю своим телом. В этом образе я намеренно отсеку афферентные нервы головного и спинного мозга. Что тогда произойдет? Несколькими ударами скальпеля рассечено несколько пучков нервных волокон, и больше ничего: вся остальная вселенная и даже все остальные части моего тела остались неизменными. Произведенное изменение, таким образом, незначительно. А между тем “мое восприятие” исчезло все целиком. Исследуем поближе, что же в сущности произошло. Вот образы, из которых складывается вселенная вообще, вот те из них, которые находятся в непосредственном соседстве с моим телом, вот, наконец, само мое тело... целиком исчезло мое восприятие. Что это может означать, как не то, что мое восприятие предназначено именно для того, чтобы рисовать в совокупности образов, в виде проекции или отражения, виртуальные, или возможные, действия моего тела? Но система образов, в которой скальпель произвел лишь ничтожное изменение, и есть то, что я называю обычно материальным миром; с другой стороны, то, что исчезло, и есть “мое восприятие” материи. Отсюда следующие два предварительных определения: я называю материей совокупность образов, а восприятием материи те же самые образы в их отношении к возможному действию одного определенного образа, моего тела” [5, с. 170]. Таким образом, под категорией “виртуального”, Бергсон имеет в виду некую скрытую силу, которой сама материя не обладает. Из этого мы можем предположить, что Бергсон уподобляет ее образу. А в труде “*La pensée et le mouvant*” он рассуждает “ у материи “нет ни внутреннего, ни изнанки... [материя] ничего не скрывает, ничего не содержит... не обладает ни силой,

ни какой-либо виртуальностью... [материя] разворачивается только как поверхность и является лишь тем, что предоставляет нам в каждый данный момент” [5, с. 127].

Так же, категорию виртуального применял в своем труде “Логика смысла” Жиль Делез “Я рассматриваю объект, затем я переключаю внимание, позволяя ему уйти на задний план. В то же время с заднего плана выходит новый объект моего внимания. И если этот новый объект не шокирует меня, не ошеломляет с неистовством снаряда (как в том случае, когда мы внезапно сталкиваемся с чем-то невиданным), — то это потому, что первый объект уже располагал заполненным окружением, где я уже ощущал предсуществование объекта, который вот-вот должен появиться, и предсуществование целого поля виртуальностей и потенциальностей, которые, как я уже знал, были способны актуализироваться” [12, с. 400].

В XX веке категория “виртуального” снова становится актуальной в науке. Например, в физике элементарных частиц появляется особый класс виртуальных частиц, существующих только при взаимодействии. В вычислительной технике — виртуальная память, в электронике — виртуальные электрон и катод. Советский специалист в области психологии, Алексей Николаевич Леонтьев отмечает виртуально содержащиеся в мозге потенции к выработыванию способностей. Антонент Арто пишет о некоем абстрагированном образе, раскрывающем “виртуальную реальность театра” и так далее. Стоит отметить, что во всех данных случаях термин используется как интуитивно понятный, но в основном он не проработан теоретически и методологически.

Что касается современности, то термин “virtus” употребляется в нескольких значениях:

- возможный, не существующий сам по себе, “но способный возникнуть при наличии определенных условий или предопределенный природой того или иного бытия” [10, с. 207];
- способный к действию, наделенный мощью или силой [10, с.

207];

- нечто фактическое, не номинальное, действительное [26, с. 81];
- нечто, имеющее все характеристики конкретной вещи, но не могущее быть определенным как эта вещь [3, с. 21];
- нечто потенциальное, мнимое, нереальное [26, с. 81];
- сила, доблесть, моральная ценность, благо, возможность.

В XX веке понятие “виртуального” без специальной концептуальной проработанности довольно популярно в разных сферах знания и профессиональных кругах: физике, лингвистике, электронике, вычислительной технике, психологии, искусствоведении и так далее. Категория “виртуальное” часто встречается в лексиконе, к тому же, нужно подчеркнуть, что зачастую, когда употребляется термин “виртуальное”, “имеется ввиду потенциальность, имеющая вполне актуальные, реальные следствия, то есть используется как раз в противовес прямому смыслу понятия потенциальности, которое предполагает, что именно само потенциальное становится актуальным, реальным, а не то, что потенциальное, оставаясь потенциальным, имеет реальные результаты” [26, с. 83].

Таким образом, сама идея, интуиция виртуальности “являлась сквозной” для античной, византийской, схоластической и современной философии, но не была до конца проработана ни в одной из них [26, с. 83].

Категория “виртуального” начинает концептуально прорабатываться и осмысляться лишь с последней четверти XX века. Рассмотрим некоторые современные концепции, которые анализируют это понятие.

Философ и физик Сергей Сергеевич Хоружий совершил попытку построения онтологии виртуальности. Он отмечает, что виртуальность нельзя рассматривать в рамках классического, восходящего к Аристотелю “дискурса сущности”. Философская разработка виртуалистики, по мнению автора, возможна лишь в той философии, “которая устраняла бы тотальное господство начал сущности, формы, причины, цели и обладала бы

принципиально иными концепциями возникновения события и явления...” [38, с. 54]. В качестве философского дискурса виртуальности, Хоружий предлагает дискурс, основанный на триаде А-В-С, где А — возможность, потенция; В — энергия, деятельность; С — энтелехия, актуализованность, осуществленность. Энергия приближена к левому члену ряда — А. Хоружий отмечает, что в зависимости от статуса центрального звена этой триады — энергии, данная структура может служить для обозначения различных философских позиций. Например, если мы рассматриваем положение, когда энергия дистанцирована от обеих границ триады, то здесь мы сталкиваемся с классическим эссенциализмом, так как “доминирующим началом в триаде — а затем и во всем разворачиваемом дискурсе служит энтелехия, а равно с нею и сущность...” [38, с. 55]. Если же энергия подведена к энтелехии, то “главным, фундаментальным предикатом сущности и энтелехии утверждается их энергийность”, этот дискурс Хоружий называет эссенциально-энергийным. Если энергия отдаляется от энтелехии, то в этом случае, “энергия... концентрирует в себе все существенное содержание события; она освобождается от подчиненности сущности-энтелехии и отнимает у нее роль доминирующего начала в структуре события — а затем,, соответственно, и роль производящего принципа философского дискурса” [38, с. 55]. Если в первом случае энергия рассматривалась как “энергия исполнения” (энергия достижения определенной сущности, цели, формы), то во втором она представляется как “энергия почина”, начального усилия и “исходного импульса выступления из возможности в действительность” [38, с. 55]. Автор подчеркивает, что дискурс энергии практически отсутствовал в истории философии, если не принимать во внимание смежных и соответствующих ему дискурсов воли, любви, желания и тому подобных. Но, по мнению автора, главенствующие позиции этого дискурса, а именно первичность энергии и деэссенциализованная интерпретация последней, выдвигались в основе некоторых древних школ мистико-аскетической, а также в современной квантовой физике и космологии. Данная

интерпретация дискурса энергии близка и к пониманию термина “виртуальности” в философии схоластики. И правда, упор в трудах схоластов совершается на потенциальность, которая остается таковой, но имеет вполне реальные, актуальные следствия. В работе Николая Кузанского семя, виртуально свертывающее в себе все дерево, содержит “энергию почина” начального усилия и “исходного импульса выступления из возможности в действительность” [38, с. 56]. Из этого следует, что можно говорить о виртуальности в рамках энергийного дискурса.

Понятие “виртуального” близко к понятию возможного. Интересную интерпретацию этого понятия дает философ Андрей Вячеславович Родин. Автор смотрит на падение твердого шара на острие иглы, установленной вертикально на поверхности стола, и подчеркивает, что безусловно считать падение шара справа или слева от иглы случайным. Однако автор считает, что в мире не существует случайностей, потому что “случайны миры, а не вещи мира. Мир, в котором луна движется в противоположную сторону — это другой мир” [29, с. 45]. Родин говорит о том, что «внесение в мир случайности» и “внесение в мир наблюдателя” оказываются тесно связанными. “Никакого цельного мира, “закругленного” внешней позицией наблюдателя при этом не остается, его место занимает серия неизбежных событий. Место пучка возможных миров занимает серия виртуальных событий, не имеющая в отличие от пучка случайных миров единого центра. Место наблюдателя занимает ... агент или актер, сам являющийся участником событий. Место исчисления случайного и детерминированного занимает исчисление виртуального и неизбежного” [29, с. 45-46]. К тому же трансформация интерпретации возможного как случайного в его же интерпретацию как виртуального является чисто концептуальным, подчеркивает автор. Но поскольку наблюдатель сам помещается внутрь мира и становится уже не просто наблюдателем, но и действующим лицом мира, научный эксперимент и наблюдение перестают быть безразличными для действительного положения вещей, поскольку они сами оказываются

событиями мира [29, с. 45-46]. Нужно подчеркнуть, что при введении в мир этого наблюдателя и расценивании его как агента и участника событий мира, нужно ввести понятие “виртуального”.

Так же Михаил Юрьевич Опенков отмечает необходимость внесения понятия “виртуального”. Он указывает, что вся история европейской философии всегда пыталась оперировать актуально существующими вещами. Дихотомия “сущность-явление” — это одна из фундаментальных дихотомий европейского мировосприятия. Сущность интерпретируется как основа, которая существует непрерывно, а явление — это плод сущности и самостоятельным статусом существования не обладает. Сущность есть основание зарождения явления. Все выражения объекта сводятся к сущности, которая наличествует непрерывно, а акцидентальное, актуальное недолговечно, феноменально. Проблему актуального пытались представить как категориальную дихотомию “актуальное-потенциальное”, “возможное-действительное”. Термины акта и потенции внес в онтологию Аристотель в ответ на апорию элейской школы о порождении, происхождении сущего. Но “актуальное есть то, что присутствует здесь-и-сейчас или существует в виде истинно-сущего мира парадигм, или в качестве актуальной бесконечности Бога. Потенциальное есть то, что содержится в уже существующем, но еще не возникло. Но если содержится, значит уже есть в особой форме, то есть порождения не происходит. Итак, если нечто существует, то существует всегда. Актуально существующее едва есть. Оно либо иллюзорно вследствие быстротечности времени, либо находится вне материального мира”. Из этого следует, что дихотомии “потенциальное-актуальное”, “возможное-действительное” недостаточно, чтобы решить цепочку философских задач, например, задачи порождения. Автор думает, что ”описанная позиция стала пересматриваться в текущем столетии, благодаря открытию виртуальных частиц в физике. Неожиданно выяснилось, что квантовые эффекты могут приостановить действие закона сохранения энергии на очень короткое время, в течение которого энергия

может быть “взята взаймы” на различные цели, в том числе на рождение частиц. Все возникающие в этом случае частицы будут короткоживущими, так как израсходованная на них энергия будет возвращена спустя ничтожную долю секунды. Частицы могут возникнуть “из ничего”, обретя мимолетное бытие, прежде чем исчезнуть. То, что раньше казалось пустым пространством, в действительности “кишит” виртуальными частицами” [24, с. 198-199]. Данная проблема уже исследовалась раньше. В философии схоластики понятие “виртуального” употребляется для разрешения задачи о порождении. В частности, у Николая Кузанского семя виртуально содержит в себе будущее дерево. Михаил Юрьевич Опенков предлагает обозначить понятие “виртуальное” как “существующее в исполнении внутри некоторой динамической ситуации актуальности” [27, с. 17].

Проанализировав этимологию и историко-философские начала понятия “виртуального”, включая интерпретации “виртуального” у философов современности, предположим, что, понятие “виртуального” определяется как что-то, пребывающее в потенции, но несущее в себе актуальные, реальные последствия, в то же время само не переходящее в актуальное состояние. Понятие “виртуальности” в рамках дискурса энергии необходимо рассмотреть из-за того, что философский анализ данной категории в пределах классического, берущего начало у Аристотеля дискурса сущности, невозможно.

Понятие “виртуального” ушло далеко за рамки своего начального определения. В античной философии “виртуальное” использовалось в качестве добродетели. В философии схоластики этот термин употреблялся в религиозном контексте. В Новое же время “виртуальность” раскрывали как некую скрытую силу, потенциальную возможность, которая имела способность актуализироваться. В дальнейшем эта позиция систематизировалась в рамках философии. Последний момент является важным для последующего концептуального анализа виртуальной реальности.

2. Концептуальный анализ виртуальной реальности

2.1. Место категории виртуальной реальности в системе представлений о реальностях

Чтобы определить статус понятия виртуальной реальности в философии, необходимо вывести главные подходы к проблеме виртуальной реальности, на чем мы будем конструировать философскую трактовку и анализ онтологического и гносеологического статуса виртуальной реальности. Плюрализм подходов к этой проблеме позволяет точнее вывести ее различные стороны, для этого необходимо провести исследование концепций виртуальной реальности, что поспособствует более глубокому анализу.

По Михаилу Юрьевичу Опенкову, виртуальная реальность отличается “возникновение нового качества в его спонтанности, а существование — в его не причинной детерминированности” [27, с. 18]. Опенков считает, что необратимые события в неустойчивых точках не получается представить при помощи категориальной дихотомии “возможное-действительное. Говоря о виртуальной реальности, важно указать переход виртуальной реальности, переход в иную реальность и рассматривать как отношение этой новой, виртуальной реальности к константной, так и свойства самой виртуальной реальности.

Другую концепцию виртуальной реальности представляет в своих трудах Сергей Сергеевич Хоружий. Он утверждает: “виртуальная реальность, виртуальные явления характеризуются всегда неким частичным или недовоплощенным существованием, характеризуются недостатком, отсутствием тех или иных сущностных черт явлений обычной эмпирической реальности. Им присуще неполное, умаленное нахождение, не достигающее устойчивого и пребывающего, самоподдерживающегося нахождения и присутствия” [38, с. 54]. Для

начала нужно подчеркнуть, что из трудов автора не ясно, отсутствие каких именно сущностных черт явлений эмпирической реальности он имеет в виду. Мы способны выделить виртуальную реальность в отдельный класс на основе отличия ее от реальности эмпирической. А насчет “неполного, умаленного наличествования, не достигающего и прибывающего, самоподдерживающегося наличествования и присутствия”, то здесь главное — это идея о первичности эмпирической реальности. Данное допущение никак не доказано автором и, по мнению некоторых мыслителей, претит концепции виртуалистики. Дело в том, что виртуалистика предполагает существование полионтологичности реальностей.

Как уже раньше отмечалось, Хоружий анализирует виртуальность с позиций дискурса энергии. Он выводит три горизонта онтологии энергии, “располагающиеся в онтической упорядоченности и образующие совместно единый горизонт или измерение бытия-действия: события трансцендирования; события наличествования; виртуальные события” [38, с. 64]. К тому же, “если события трансцендирования можно рассматривать как преодоление наличествования, и в этом смысле, как своеобразные “события сверхналичествования”, то виртуальные события суть чистое умаление наличествования, или “события недо-наличествования” [38, с. 64].

По Хоружему, длительность — это свойство наличествования. Если событие не обладает длительностью, то оно не принадлежит горизонту наличного бытия, а значит, оно оказывается “необналичиваемым” относится к другому онтологическому горизонту: “необналичиваемые события обладают теми свойствами, которых мы ожидаем от виртуальных событий, и горизонт необналичиваемого бытия-действия способен описывать виртуальную реальность” [38, с. 60].

Хоружий анализирует соотношение необналичиваемых событий к трансцендированию. Он утверждает: “в рамках кантианской оппозиции трансцендентное-имманентное, акт проработки сознанием, мыслью — предмета мысли есть выход от имманентного — исход ее из себя как их

собственной «имманации» — к трансцендентному; и это есть акт, в котором мысль осуществляет себя как “трансценденция”: что и есть “трансцендирование” [38, с. 60]. Такая интерпретация трансцендирования уже встречалась в истории философии. Хоружий пишет: “в числе ключевых и движущих интуиций философского религиозного, мистического сознания всегда жила интуиция радикального выхода за пределы, преодоления или разрыва границ, снятия или трансформации самих фундаментальных предикатов наличного бытия” [38, с. 60]. По Хоружию, преодоление здесь рассматривается как процесс, в котором “природа данного и наличного не осуществляется, но отменяется, отбрасывается, превращается в нечто глубочайше иное” [38, с. 60].

Автор вводит понятие “радикальное трансцендирование”, указывая, что это акт объективной онтологической трансформации, преодоления границ первоначального онтологического горизонта, которым является наличное бытие, к тому же такое преодоление означает трансформацию фундаментальных предикатов этого горизонта.

По мнению Хоружия, события трансцендирования не могут существовать в рамках наличного бытия. “По самому определению, они суть события отталкивания от этого горизонта, его неприятия в его фундаментальных предикатах” [38, с. 62]. Фундаментальные предикаты здесь — это основные свойства онтологического горизонта, “которые констатируют данный образ бытия, составляют его определение”. Предикаты могут становиться предметом познания только через опыт рефлексии.

Поскольку трансцендирование не может наличествовать в рамках наличного бытия, тогда завершенности трансцендирования соответствует актуализовавшийся переход в некий иной онтологический горизонт, с другими фундаментальными предикатами. Трансцендирование можно понимать как переход к виртуальной реальности, а завершение трансцендирования приводит в саму виртуальную реальность, обладающую

другими фундаментальными предикатами. Стоит отметить, что рассмотрение виртуальных реальностей возможно лишь тогда, когда онтология ориентирована на человека.

Иван Григорьевич Корсунцев отмечает связь виртуальной реальности с виртуальными состояниями субъекта. А субъекты он характеризует как “такие структуры, которые объединяет общее свойство — желание жить, существовать, осознание своей самооценности и самодостаточности” [17, с. 33]. Автор делит субъекты на индивидуальные, так и коллективные. Для субъектов представленность бытия выражается в реальности, из этого следует, что одни формы реальности “выглядят как “объективные”, то есть развивающиеся независимо и стабильно” [17, с. 33]. Чтобы подтвердить данное положение, Корсунцев приводит тезис о различии продолжительности “циклов изменений на порядки в онтологически родственных формах бытия, вызванных его разными масштабами. В этом случае одни циклы изменений в реальностях субъектов представляются по отношению к другим или бесконечной продолжительности, то есть бытие представляется неизменным или же мгновенным. Отсюда возникают разные формы субъектных реальностей, которые по происхождению являются виртуальными (но разных типов!), так как других, то есть несубъектных реальностей не существует” [17, с. 35]. Все события, происходящие внутри субъекта и вне субъекта являются бытием, так как субъект включен в бытие.

Еще одна важная идея для исследования виртуальных реальностей — относительность хода времени в различных реальностях. Автор утверждает, что всякий вид бытия создает новое бытие. Субъект наличествует в бытии, а значит, что все процессы, проходящие и внутри, и во вне субъекта, в его взаимодействиях, так же являются бытием. “Следовательно, и процессы мышления, изменения в сознании субъектов, возникновение и взаимодействие образов, символов, смыслов — это тоже бытие, но не материальное. Такое бытие можно назвать виртуальным, а реальность, то есть представленность его в рефлексии субъектов, виртуальной

реальностью, но уже следующего поколения или слоя”[17, с. 36]. Так Корсунцев выявляет связь между виртуальной реальностью и представленностью бытия в рефлексии субъекта. Автор считает, что концепция взаимодействия сознания и мира, как “отражения”, является несостоятельной, т.к. в данном случае речь идет о взаимодействии двух равноправных, но разных форм бытия. “Как только возникли субъекты, возникла и качественно новая форма бытия. Каждой форме материального развития соответствует и своя форма представления его в рефлексии субъектов, своя форма виртуального” [17, с. 36]. К тому же здесь ведется речь не об истинности или ложности таких представлений, а о способах выживания субъектов. Таким образом, здесь важна не адекватность отражения действительности, а возможность для субъекта выжить, ориентируясь на эту виртуальную реальность. Стоит отметить, что в системе Корсунцева виртуальная реальность подобна субъективной реальности, таким образом, специфика первой остается недостаточно выявленной. Корсунцев считает, что познание как результат рефлексии субъектов создает “новое виртуальное бытие в форме непрерывной эволюции” [17, с. 37]. Корсунцев подчеркивает, что в виртуальном развитии одни мифы и реальности сменяют другие, подобно тому, как в материальном развитии одни формы сменяют другие. Концепция Корсунцева переносит виртуальную реальность в сферу субъективной, а точнее в сферу субъективной реальности коллективных субъектов, мировоззрение, свойственное той или иной культуре. Вне всякого сомнения, индивидуальный субъект ориентируется на представления о реальности, характерные для той или иной культуры, на субъективную реальность коллективного субъекта.

Но виртуальная реальность подразумевает под собой отрыв от представлений о реальности, которые характерны для той или иной культуры. Более того, виртуальная реальность не может служить средством для адекватного существования человека.

Вадим Маркович Розин описывал виртуальную реальность как “любой класс символических реальностей, включая и реальности, созданные в рамках VR-технологий” [30, с. 58]. Он пишет: “Как сведение виртуальных реальностей к компьютерным реальностям, так и трактовка всех реальностей как виртуальных вряд ли верны с методологической точки зрения” [30, с. 56]. Но трактовка виртуальных реальностей как символических позволяет указать рамки концепции виртуальной реальности, а так же выявлять практические подходы к анализу виртуальной реальности. Розин полагает, что “виртуальная реальность — это один из видов реальностей (их можно отнести к классу “символических”) но это таков специфический вид символических реальностей, который создаётся на основе компьютерной и некомпьютерной техники, а также реализует принципы обратной связи, позволяющие человеку достаточно эффективно действовать в мире виртуальной реальности” [30, с. 56-57].

По Розину, виртуальная реальность — это чувственная, жизненная реальность, реальность события “здесь и сейчас”. Виртуальная реальность существует лишь в сознании, ее не существует в физическом смысле. Когда субъект осознает это, он ощущает в виртуальной реальности свободу и безопасность, именно это отдаление сближает символические виртуальные реальности.

Розин рассуждает о роли символических реальностей, подчеркивая, что до начала XX века “символические формы жизни — искусство, религия, инженерия, фантазии и сновидения человека и т. п. рассматривались как вторичные, как знаково-символические отображения отношений реального мира (физического и социального). В настоящее время не существует ясности в понимании отношений между миром физическим, социальным и теми многочисленными мирами (реальностями), которые обязаны символическим формам жизни. Например, сегодня для многих людей наука или искусство задают миры не менее объективные и реальные, чем мир физический или социальный. Реальность религиозного человека или

эзотерика (например, Бог или Нирвана) понимаются ими как то, что не просто существует, а более первично и подлинно, чем все остальное — физический мир, природа, социум” [30, с. 59]. Символическую реальность необходимо рассматривать не как “вторичное выражение и изображение чего-то существующего”, а как автономную реальность.

Конечно, нельзя не отметить, что рассмотренные выше концепции понимали виртуальную реальность в широком смысле. Прежде западные философы представляли мир в отношении субъективная-объективная реальности, но сейчас ее не хватает для трактовки некоторых феноменов, к примеру, компьютерных виртуальных реальностей, состояний измененного сознания. Поэтому, внесение в это отношение категории виртуальной реальности делает его более гибким. Виртуальная реальность становится значимой категорией в концепции множественности реальностей, которая ориентируется на человека.

Но наряду с этим, существуют и другие концепции, исходя из которых, виртуальная реальность понимается в узком смысле, то есть только в рамках компьютерных технологий. В конце 80-х годов Жарон Ланье вводит понятие “виртуальная реальность” для обозначения “электронных устройств,водящих их пользователя в новое измерение существования, в мир информации, в совершенно непривычную для человека двигательную и интерактивную среду технологически продуцируемых симулякров всего того, что только может быть ему дано в опыте сенсорного восприятия действительности” [19, с. 86]. Есть еще одна известная трактовка этого понятия: “виртуальная реальность — это трехмерное, компьютером генерируемое, имитируемое окружение, предъявляемое пользователю в реальном времени его поведения” [4, с. 57]. Такая трактовка ограничивает понятие виртуальной реальности, так как понятие виртуальной реальности, существующей лишь в сознании человека, переносится на продукт компьютерной моделирующей системы, существующей вне человека [4, с. 57]. К тому же, эта трактовка

ограничивает и компьютерные виртуальные реальности, так как удерживает их в рамках анализа виртуальных реальностей, которые представляются субъекту в реальном времени.

После рассмотрения понятия виртуальной реальности у различных авторов, можно прийти к выводу, что на сегодняшний день можно выделить три существенных подхода к проблеме виртуальной реальности.

При первом подходе вводится позиция множественности реальностей. При этом стоит подчеркнуть то, что виртуальные реальности наличествуют касательно порождающих их реальностей. Так же сама виртуальная реальность может становиться порождающей для виртуальной реальности следующей степени. В подобном русле, анализируют виртуальные реальности Николай Александрович Носов и Иван Григорьевич Корсунцев.

Второй подход объединяет измененные состояния сознания с виртуальными реальностями, понятием радикального трансцендирования Сергея Сергеевича Хоружего. Так же этой позиции придерживается Михаил Юрьевич Опенков.

При третьем подходе философы рассматривают виртуальную реальность в узком смысле, то есть, компьютерную виртуальную реальность.

Выполненное исследование дает возможность вынести основные подходы к проблеме виртуальной реальности, чтобы на их основе построить свое представление содержания и свойств виртуальных реальностей.

Необходимо еще раз упомянуть о плюрализме подходов. Результатом такого плюрализма являются разнородные признаки или свойства понятия виртуальной реальности.

Рассматривая понятие виртуальной реальности, можно сделать такие выводы:

1. Категория “виртуальная реальность” рассматривается как в узком, так и в широком смысле.

В узком смысле понятие виртуальной реальности сжимается до

рамков компьютерных или технологических виртуальных реальностей.

В широком смысле, понятие виртуальной реальности рассматривается как измененные состояния сознания, например, сон, просветление, экстаз и так далее, ранее относимые к реальности субъективной, но почти не рассматривающиеся как специфические феномены, которые не считали заслуживающими систематического анализа [16, с. 69].

2. Рассматривая отношение понятий объективной, субъективной и виртуальной реальности, есть возможность выявить, что можно представить виртуальную реальность в широком смысле в виде осмысленной части мира, преломленную измененными состояниями сознания и не вносимую во временной строй, в “темпоральность” наличного бытия, но убранную из этого строя, дискретную, лишь отдельные выступления которой мы наблюдаем. В узком же смысле виртуальная реальность расширяет и углубляет отношение субъективная-объективная реальность, делает его более гибким.

3. Понятие виртуальной реальности в широком смысле схоже понятию радикального трансцендирования как преодоления границ исходного онтологического горизонта.

4. Виртуальная реальность может рассматриваться в рамках концепции множественности реальностей.

5. Рассматривается, что в концепции множественности реальностей дискурс виртуальной реальности ориентируется на человека, как на центр схожей онтологии.

2.2. Свойства и признаки виртуальной реальности

После исследования философского статуса виртуальной реальности, необходимо приступить к рассмотрению ее особенных черт, признаков и свойств.

Философы по-разному характеризуют свойства виртуальных реальностей. Перейдем к рассмотрению некоторых концепций.

Николай Александрович Носов выделяет такие свойства виртуальных реальностей: 1) порожденность; 2) актуальность; 3) автономность; 4) интерактивность. Каждому из свойств можно дать краткое описание.

1. Порожденность: виртуальная реальность базируется на основе какой-либо другой реальности, существующей вне нее. Виртуальная реальность выступает как искусственная или порожденная, а порождающая реальность как константная. Носов пишет: “виртуальная реальность может породить виртуальную реальность следующего уровня, став относительно нее константной реальностью” — и так в принципе до бесконечности” [25, с. 13]. Отталкиваясь от приведенной цитаты, можно сделать вывод, что “виртуальный” и “константный” — понятия относительные.

2. Актуальность: виртуальная реальность существует актуально только тогда, когда активна константная реальность (то есть порождающая).

3. Автономность: в каждой виртуальной реальности своя “природа” — то есть, виртуальная реальность имеет свое время, пространство и законы существования. Для человека, который находится в виртуальной реальности, не существует прошлого и будущего.

4. Интерактивность: “виртуальная реальность может взаимодействовать со всеми другими реальностями, в том числе, и с порождающей, как онтологически независимая от них” [25, с. 13].

Михаил Юрьевич Опенков характеризует виртуальную реальность по двум признакам:

1. Полное нахождение, перманентность настоящего. “Бытие здесь-и-сейчас подразумевает непричастность длительности, когда человек есть там, где он есть, а не впереди и не позади себя” [27, с. 19].

2. Виртуальную реальность можно охарактеризовать отстранением противоположностей реального и воображаемого, прошлого и будущего, жизни и смерти.

Вадим Маркович Розин, предложил концепцию, в которой можно вывести три признака.

1. Совпадение содержаний сознания и самой реальности, так как при отсутствии рефлексии мир “возникающий в реальности, уподобляется миру “Я” [33, с. 58]. Иными словами, сознание человека может войти в виртуальную реальность и жить в ней.

2. Непреднамеренность, естественность событий, происходящих в мире реальности. Состояние человека всегда зависит от событий реальности, в который он входит.

3. Устойчивость событий, вещей и отношений: “События, наблюдаемые в реальности, укрепляют ее, в ней имеют место те события и отношения, которые ей соответствуют” [31, с. 195].

Для того чтобы сложилось наиболее полное понимание сущности виртуальной реальности, необходимо тщательнее рассмотреть ее основные признаки.

1. Порожденность: как уже говорилось выше, виртуальная реальность относительно других реальностей виртуальна, “порождена” какой-либо реальностью.

2. Актуальность: авторы, рассматривающие виртуальную реальность, выносят актуальность как свойство виртуальной реальности. Носов пишет: “виртуальная реальность существует актуально, только “здесь и теперь”, пока активна порождающая реальность” [25, с. 13]. Опенков считает, что виртуальная реальность фиксирует актуальность нового качества как “здесь-и-теперь”. Рассуждая в этом русле, можно прийти к выводу, что виртуальная реальность есть “в-бытии-стояние”. Здесь главным признаком виртуальной реальности выступает полное наличествование и перманентность настоящего. “Бытие здесь-и-сейчас подразумевает непричастность длительности, когда человек есть там, где он есть, а не впереди и не позади себя” [27, с. 18-19]. Опенков и Людмила Александровна Микешина представляют виртуальную реальность, как “мгновения когда

снимаются противоположности жизни и смерти, реального и воображаемого, прошлого и будущего и так далее” [24, с. 229]. Спорить о наличии актуальности у виртуальной реальности нет смысла, но выделять виртуальную реальность как чистое “здесь и теперь” можно не в большей мере, чем о том же свойстве другой любой реальности. Следует уточнить, что именно нужно понимать под актуальностью. Актуально человек существует в любой реальности, но при этом может погружаться в прошлое или настоящее с помощью фантазий и воспоминаний. К тому же, эти же авторы пишут: “человек бывает отторгнут от себя, когда живет либо в прошедшем, либо в будущем времени, то есть не укоренен в настоящем” [24, с. 193]. В виртуальной реальности человек находится “здесь и теперь”, но в виртуальной реальности существует и прошлое, и настоящее, принадлежащее именно этой виртуальной реальности, и человек может погружаться в прошлое или будущее виртуальной реальности, например, прошлое в компьютерных и эстетических виртуальных реальностях, в фантазиях. Тогда, актуальность, как свойство виртуальной реальности, выражается только относительно других видов реальностей, например, относительно константной (порождающей).

Хоружий в своей концепции пишет, что энергия “не только сформировавшийся акт, сколько лишь побуждение, побудительное движение; и не столько оформившееся движение, сколько чистый импульс, первый толчок или “росток” движения — вы-движение, вы-ступление из стихии потенции — к актуализации... Подобная энергия, как и событие, порождаемое ею, непричастны никакой форме, никакому телосу; именно в них реализуется чистая деэссенциализированность, инаковость всем эссенциальным началам” [38, с. 58]. В данном отрывке автор представляет энергию в виде потенциальности, в виде “почина”. Энергия деэссенциализирована, то есть свободна от какой-либо сущности. Хоружий выдвигает позицию, что такого рода акт не имеет длительности: “Стало быть у не-длящегося события его время, или же “миг”, не интегрируется, не

включается во временной порядок, в темпоральность наличного бытия, но оказывается изъятым из этого порядка, отдельно сущим, дискретным. Столь же отдельным и дискретным, несоотносимым является этот миг и по отношению к другим подобным событиям, “Миг” принципиально единственен, неповторим и невоспроизводим, он не сливается ни с обычным, длящимся временем, ни с другими “мигами” [38, с. 59]. Хоружий отмечает тот факт, что не просто не имеет длительности, а имеет бесконечно малую длительность.

3. Рассмотрение работ Носова, Опенкова и Хоружего позволяет понять то, что время в виртуальной реальности и время порождающей реальности различаются. Длительность виртуальной реальности может быть бесконечно малой величиной, “мигом” относительно породившей ее реальности (озарение, религиозный экстаз), а может оказаться величиной, отличной от длительности наличного бытия.

4. Автономность: виртуальная реальность имеет свою “природу”, то есть, свои законы существования, логику и время. Исходя из того, что виртуальные реальности могут отличаться по типу, может отличаться и степень включенности человека в разные типы виртуальной реальности. Например, человек, находящийся в компьютерной виртуальной реальности, может как осознавать, так и не осознавать порождающую реальность. То же самое касается и мира иллюзий.

Исходя из всего вышесказанного, можно вывести основные свойства и признаки виртуальной реальности:

Погруженность: при входе в виртуальную реальность, человек подвергает свои органы чувств воздействию событий виртуальной реальности.

Степень погруженности: в измененных состояниях сознания человек может не осознавать существование других реальностей. Но в виртуальных реальностях, созданных на основе компьютерных технологий, человек знает

о порожденности данной реальности относительно внеположного бытия, то есть, о ее виртуальности.

Автономность: виртуальная реальность имеет свои законы, логику и время (свою “природу”), соответствующие именно этой виртуальной реальности. Эти законы могут относительно константной реальности могут существенно отличаться.

Интерактивность: погрузившись в виртуальную реальность, человек может взаимодействовать с ней, таким образом, являясь активным участником событий этой реальности.

Порожденность: Человек может погружаться в ту или иную виртуальную реальность искусственно или естественно. В первом случае речь идет о вхождении в компьютерную виртуальную реальность, достижении измененного состояния сознания посредством наркотических средств. Во втором случае речь идет, например, о сне или же состоянии озарения.

Можно выделить некоторое единомыслие среди исследователей виртуальной реальности в вопросе о ее свойствах. В то же время свойства виртуальной реальности сводятся в основном к четырем, и самое важное — это свойство автономности, так как, признавая время и пространство виртуальной реальности, она ставится на одну ступень с реальностью объективной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе анализа эволюции представлений о виртуальной реальности в истории философии можно сделать вывод о признании существования как минимум трех реальностей: объективной, субъективной и виртуальной. Как можно заметить, выделение новых видов реальности всегда тесно связано с техническим и научным развитием.

Понятие “реальность” не статично и находится в сфере постоянной рефлексии со стороны философии и науки. Это определяет изменчивость философского статуса понятия реальности. Более того, философы решают вопросы не только о соотношении реальности и эмпирического мира, но и вопрос о размытости определения самого понятия.

В истории философии прослеживается тесная связь понятий субъективной и объективной реальности. Так, каждая из реальностей обнаруживает себя посредством другой. Более того эмпирическая вещь неотделима от ее отношений и свойств. Несмотря на замкнутость субъективной реальности, мы не можем отрицать ее существование.

После рассмотрения концепта виртуальной реальности было выделено три подхода к виртуальной реальности:

1. Подход, в основе которого лежит положение о признании полионтологичности реальностей.
2. Подход, который связывает виртуальные реальности с измененными состояниями сознания.
3. Подход, в основе которого лежит узкое понимание виртуальной реальности, то есть компьютерной виртуальной реальности.

Виртуальную реальность можно понимать в узком и широком смысле. В узком смысле мы должны понимать под виртуальной реальностью, реальность в рамках компьютерных технологий. Виртуальная реальность в широком смысле предполагает не только компьютерные виртуальные реальности, но и включает рассмотрение различных психологических

состояний, таких как сон, фантазии, экстаз и так далее. Стоит отметить, что ранее изучение подобных изменений состояний сознания относилось к сфере субъективной реальности.

Так же был решен вопрос о свойствах виртуальной реальности, где выделены три основных свойства: актуальность, автономность и порожденность. Где признак автономности позволяет нам сравнивать виртуальную реальность с объективной. Что касается соотношения виртуальной и субъективной реальности, то здесь вопрос более запутан, так как многие философы часто отождествляли эти два типа. Но виртуальная реальность имеет свое пространство и временные рамки, а человек всего лишь погружается в эту реальность, но не прибывает в ней постоянно. Таким образом, виртуальная реальность имеет иной и отличный от других гносеологический и онтологический статус.

Несмотря на очевидность понятия компьютерной виртуальной реальности, наш анализ показал, насколько различным является понимание понятия виртуальной реальности и составляющих его терминов в истории философии: от добродетели до “трехмерного, компьютером генерируемого, имитируемого окружения, предъявляемого пользователю в реальном времени его поведения” [4, с. 57]. Это понятие фигурирует в философском, научном, технологическом, психологическом, культурном, религиозном контекстах и играет важную роль истории философии. Определение места понятия виртуальной реальности в истории философии, его свойств и признаков очень важно для рассмотрения содержания этого понятия. В работе было показано, что содержание понятия “виртуальная реальность” зависит от понимания таких категорий, как “реальность” и “виртуальность” в истории философии, а так же от ее философского статуса, свойств и признаков, выделяющих виртуальную реальность.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Антипенко Л.Г. Проблема физической реальности / Антипенко Л.Г. – М.: Наука, 1973. – 263 с.
2. Ахутин А.В. История принципов физического эксперимента: от античности до XVII в. т.1. / Ахутин А.В. – М.: Наука, 1976. – 291 с.
3. Бабенко В.С. Виртуальная реальность: проблема интерпретации / Бабенко В.С. // Виртуальная реальность как феномен науки, техники и культуры. – Санкт-Петербург, 1996. – С. 21-27.
4. Бабенко В.С. Две книги о виртуальной реальности / Бабенко В.С. // Виртуальные реальности и современный мир (Труды лаборатории виртуалистики. Вып. 3). – М., 1997. – С. 56-69.
5. Бергсон А. Творческая эволюция / Пер. с фр. В. Флеровой; Вступ. ст. И. Блауберг. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб; КАНОН-пресс-Ц, 2001. – 384 с.
6. Бердяев Н. А. Самопознание / Бердяев Н.А. – М.: ДЭМ, 1990. – 333 с.
7. Бердяев Н. А. Я и мир объектов: Опыт философии одиночества и общения // Бердяев Н.А. Философия свободного духа. – М.: Республика, 1994, вып. № 3. – 480 с.
8. Беркли Дж. Трактат о принципах человеческого знания // Сочинения. М.: Мысль, 1978. – С. 149-249.
9. Беркли Дж. Три разговора между Гиласом и Филонусом // Сочинения. – М.: Мысль, 1978. – С. 249-361.
10. Большая Советская Энциклопедия. т. 11. – М.: Советская Энциклопедия, 1930. – 831 с.
11. Борн М. Физика в жизни моего поколения / пер. В. Иванов, М. Морозов. – М., 1963. – 563 с.
12. Делез Ж. Логика смысла / пер. Я. Я. Свирский ред. А.Б. Толстов. – М.: Раритет, 1998. – 480 с.
13. Дубровский Д.И. Проблема идеального / Дубровский Д.И. – М.: Мысль, 1983. – 230 с.

14. Ильенков Э.В. Проблема идеального / Ильенков Э.В. // Вопросы философии. – 1979. – № 6. – С. 128-140.
15. Кант И. Трансцендентальное учение о началах / ред. Т.И. Ойзерман // Сочинения в 6-ти томах. – т. 3. – М.: Мысль, 1964. – 799 с.
16. Ковалевская Е.В. Виртуальная реальность:
Философско-методологический анализ / Ковалевская Е.В. // Автореферат на соискание ученой степени кандидата философских наук. – М., 1997. – 149 с.
17. Корсунцев И.Г. Проблемы виртуального в философии / Корсунцев И.Г. // Виртуальные реальности и современный мир (Труды лаборатории виртуалистики вып. 3) – М., 1997. – С. 33-49.
18. Кузанский Н. О видении Бога / пер. В.В. Бибихин // Сочинение в двух томах. т. 2 – М.: Мысль, 1980. – 471 с. С. 33-94.
19. Кузнецов М.М. Виртуальная реальность: взгляд с точки зрения философа / Кузнецов М.М. // Виртуальная реальность: философские и психологические проблемы. – М., 1997. – С. 86-99.
20. Лейбниц Г.В. Сочинения в четырех томах: Т. I / ред. В.В. Соколов; перевод Я.М. Боровский и др. – М.: Мысль, 1982. – 636 с.
21. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм. ПСС. т. 18. – М., 1961. – 525 с.
22. Ленин В.И. Философские тетради // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.29. – 782 с.
23. Лосев А.Ф. Эллинистически-римская эстетика I-II вв. н. э. – М.: Изд-во МГУ, 1979. – 416 с.
24. Микешина Л.А., Опенков М.Ю. Новые образы познания и реальности / Микешина Л.А., Опенков М.Ю. – М.: РОССПЭН, 1997. – 238 с.
25. Носов Н.А. Виртуальный человек: Очерки по виртуальной психологии детства / Носов Н.А. – М.: Магистр, 1997. – 192 с.

26. Носов Н. А. Фома Аквинский и категория виртуальности / Носов Н.А.
// Виртуальная реальность: философские и психологические
проблемы. – М., 1997. – С. 68-86.
27. Опенков М.Ю. Виртуальная реальность: онто-диалогический подход
/ Опенков М.Ю.// Автореферат на соискание ученой степени доктора
философских наук.- М., 1997. – 38 с.
28. Панченко А.И. Философия, физика, микромир / ред. Моисеев Н.Н. –
М.: Наука, 1988. – 192 с.
29. Родин А.В. Синергетика и детерминизм / Родин А.В. // Онтология и
эпистемология синергетики. – М., 1997. – 159 с. – С. 26-50.
30. Розин В.М. Виртуальная реальность как форма современного
дискурса // Виртуальная реальность: философские и психологические
проблемы / ред. Носов Н.А. – М., 1997. – С. 56-65.
31. Розин В.М. Виртуальные реальности: природа и область применения
// Социально-политический журнал: социально-гуманитарные знания.
– М., 1997, – №6. – С. 183-199.
32. Розин В.М. Области употребления и природа виртуальных
реальностей // Технологии виртуальной реальности: состояние и
тенденции развития. – М., 1996. – С. 57-68.
33. Розин В. Семиотические исследования / Отв. ред. Ремезова И.И. //М.:
ПЕР СЭ. – С. 77.
34. Розин В. М. Существование и реальность: смысл и эволюция понятий
в европейской культуре // Вопросы методологии. – 1994. – №. 3-4. – С.
57-69.
35. Философия древности и средневековья / ред. Соколов В.В. //
Антология мировой философии. т. 1, ч. 2, – М.: Мысль, 1969. – 935 с.
36. Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская
энциклопедия, 1983. – 840 с.

37. Хайм М. Метафизика виртуальной реальности. От наивного реализма к ирреализму. URL: <http://www.author-edu.ru/ru/node/104> (дата обращения 23.04.2016).
38. Хоружий С.С. Род или недород? Заметки к онтологии виртуальности. // Вопросы философии. – М., 1997. – №6. – С. 56-69.
39. Цицерон М.Т. Об обязанностях // Лосев А.Ф. Эллинистически-римская эстетика I-II вв. н. э. – М. Изд-во МГУ, 1979. – С. 361-385.
40. Н. Margenau The nature of physical reality, a phylosophy of modern physics. – N. Y., Toronto, London, 1950. – 479p.